

С О Ф И

КИНСЕЛЛА

Шопоталик
и дэди

Софи Кинселла
Шопоголик и бэби
Серия «Шопоголик», книга 5

A_Ch

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155951

Кинселла С. Шопоголик и бэби: Фантом Пресс, Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-91703-7

Оригинал: SophieKinsella, "Shopaholic & Baby"

Перевод:

Ульяна Валерьевна Сапцина

Аннотация

В жизни Бекки, похоже, наступают крутые перемены: она ждет ребенка. Знаете, чем отличается просто беременная женщина от беременной женщины-шопоголика? Если просто беременная женщина думает о какой-то ерунде вроде врачей, родов, воспитания будущего наследника, то беременная женщина-шопоголик прежде всего заботится о том, чтобы у ее ребенка все – от соски до коляски – было только от самых известных брендов. Так что Бекки некогда отдыхать – она без усталости штурмует магазины.

К тому же Бекки – не просто женщина и даже не просто женщина-шопоголик. Она – деловая женщина. И в перерыве между шопингом делает карьеру, и заметим – успешно.

Ну а кроме того, на горизонте замаячила угроза ее счастливому браку: давняя подружка мужа. Заметим, ни капельки не беременная, а стройная и неотразимая.

Силы не равны, скажете вы? Просто вы не знаете Бекки!

Содержание

***	5
1.	8
2.	30
3.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Софи Кинселла

Шопоголик и бэби

Посвящается Оскару

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ

Финансовые консультации

Прендергаст де Витт Коннел

Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус

Миссис Р. Брэндон

Квартал Мейда-Вейл, 37

Мейда-Вейл Лондон

30 июля 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,

Было очень приятно познакомиться на днях с Вами и мистером Брэндоном. Я с нетерпением жду возможности приступить к выполнению обязанностей финансового консультанта Вашей семьи.

В настоящее время я улаживаю банковские дела и занимаюсь подготовкой к учреждению трастового фонда для Вашего будущего ребенка. Со временем мы сможем обсудить вложения средств, которые Вы с мужем пожелаете сделать на имя ребенка.

Надеюсь в предстоящие месяцы познакомиться с Вами поближе. Пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне с любыми вопросами, какими бы незначительными они ни казались.

С уважением,
Кеннет Прендергаст,
консультант по семейному инвестированию.

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ
Финансовые консультации
Прендергаст де Витт Коннел
Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус
Миссис Р. Брэндон
Квартал Мейда-Вейл, 37
Мейда-Вейл
Лондон
1 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,
Благодарю Вас за письмо. По поводу Вашего вопроса: да, возможность превышения обусловленного размера кредита будет предусмотрена для банковского счета Вашего ребенка, но не думаю, что в ней вообще возникнет необходимость!

С уважением,
Кеннет Прендергаст,
консультант по семейному инвестированию.

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ
Финансовые консультации

Прендергаст де Витт Коннел
Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус
Миссис Р. Брэндон
Квартал Мейда-Вейл, 37
Мейда-Вейл
Лондон
7 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,
Благодарю Вас за письмо.

Меня заинтриговало известие, которое Вы получили «сверхъестественным путем» от неродившегося ребенка. Тем не менее, боюсь, в настоящее время добиться права пользования возможностью превышения кредита нереально. Несмотря на то, что, по Вашим словам, «этого хочет ребенок».

С уважением,
Кеннет Прендергаст,
консультант по семейному инвестированию.

1.

Так, без паники. Все будет просто замечательно. Ну конечно. Непременно.

– Вы не могли бы поднять кофточку, миссис Брэндон? – Узистка смотрит на меня, лицо у нее профессионально-ласковое. – Перед началом исследования мне надо нанести вам на живот гель.

– Запросто! – отвечаю я, и не думая шевелиться. Дело в том, что я чуточку... нервничаю.

Я лежу на кушетке в больнице Челси и Вестминстер, замерев в предвкушении. Через пару минут на экране появится наш малыш и мы с Люком увидим, насколько он вырос с тех пор, как был крошечной капелькой. До сих пор не верится. Я так и не свыклась с мыслью, что беременна. Пройдет каких-нибудь девятнадцать недель – и я, Бекки Брэндон, урожденная Блумвуд, стану... мамой. Представляете, мамой!

Кстати, Люк – это мой муж. Мы женаты уже больше года, и я поручусь чем угодно, что ребенок у нас «медовый». За наш длинный медовый месяц мы где только не побывали, но я почти точно знаю, что ребенок был зачат на Шри-Ланке, в том роскошном ашраме под названием «Унаватуна», – сплошные орхидеи, бамбук и живописные виды.

Унаватуна Брэндон.

Мисс Унаватуна Орхидея Бамбукка Брэндон.

М-да. Пожалуй, мама будет не в восторге.

– На ранней стадии беременности с моей женой произошел небольшой несчастный случай, – объясняет Люк, сидящий возле кушетки. – Потому она и волнуется.

Он ободряюще жмет мне руку, и я отвечаю на пожатие. В книге о беременности «Девять месяцев вашей жизни» написано, что внимание мужа к беременности надо привлекать всесторонне, не то он обидится и замкнется в себе. Вот я и привлекаю Люка как могу. Вчера вечером, например, позвала смотреть новый диск «Тонус рук во время беременности». Правда, на середине просмотра Люк вдруг вспомнил, что ему надо сделать звонок по работе, и много пропустил, зато обиженным вроде бы не выглядит.

– Несчастный случай? – Узистка перестает щелкать клавишами компьютера.

– Свалилась с горы, когда во время грозы разыскивала давным-давно потерянную сестру, – объясняю я. – В то время я еще не знала, что беременна. И наверное, ушибла малыша.

Понятно. – Узистка смотрит на меня добрыми глазами. Ее седеющие каштановые волосы стянуты на затылке в узелок, из него торчит карандаш. – Ну, детишки существа живучие. Посмотрим, как он там, хорошо?

Вот он, этот миг. Несколько недель его ждала, даже извелась. Опасливо поднимаю топик и смотрю на свой округлившийся живот.

– Будьте добры, сдвиньте в сторону украшения, – просит узистка. – У вас тут целая коллекция!

– Это не простые украшения. – Я сгребаю побрякивающую грудку. – Вот это – ацтекский символ материнства, это – кристалл беременности, тут еще бубенчик, звон которого успокаивает малыша... и «родильный камень».

– Родильный?

– Его прижимают к особой точке на ладони, чтобы облегчить родовые муки, – поясняю я. – Таким камнем пользовались еще древние маори.

– М-м-м...

Узистка приподнимает бровь и выдавливает мне на живот какое-то прозрачное желе. Сведя брови, она прикладывает к коже ультразвуковой зонд, и на экране возникает размытая черно-белая картинка.

Не дышу.

Это же наш ребенок. У меня внутри. Бросаю взгляд на Люка: сидит, как загипнотизированный, и глаз не сводит с экрана.

– Сердце, все четыре камеры на месте... – узистка водит по животу зондом, – а вот и плечики.

Она указывает на экран, и я послушно шурююсь, хотя, если честно, никаких плечиков не вижу – одни лишь расплывчатые кривули.

– И ручка... одна кисть... – Она вдруг умолкает и хмурится.

В комнате повисает тишина. А меня вдруг охватывает ужас. Ясно, почему она хмурится: у малыша всего одна ручка. Так я и знала!

Меня захлестывают любовь и стремление оберегать. На глаза наворачиваются слезы. Ну и пусть у нашего ребенка всего одна ручка. Я все равно буду любить его... нет, буду любить еще сильнее! Мы с Люком найдем самых лучших врачей, станем финансировать исследования, и пусть только кто-нибудь посмеет косо посмотреть на моего...

– ...И вторая ручка, – прерывает мои мысли узистка.

– Вторая? – восторженно спросив, переспрашиваю я. – Так у него их две?

– Э-э... да. (Кажется, такой реакции узистка не ожидала.) Смотрите, здесь они видны обе. – Она указывает на экран, и я, к своему восторгу, различаю малюсенькие, похожие на косточки, пальчики. Все десять.

– О, простите, – всхлипываю я и утираю глаза салфеткой, которую узистка сует мне в руку. – Это слезы облегчения.

Насколько я могу судить, все в полном порядке, – заверяет она. – Не волнуйтесь, повышенная эмоциональность при беременности – это совершенно нормально. Просто гормоны разыгрались.

Нет, ну сколько можно? Будто сговорились все – только и слышишь: «гормоны, гормоны». Прямо как Люк вчера вечером, когда я расплакалась из-за той телерекламы со щенком. Нет у меня никакого гормонального сдвига, я такая же, как

всегда. Просто реклама была очень грустная.

– Вот, пожалуйста. – Узистка снова стучит по клавишам.

Из принтера выползают скрученные черно-белые снимки, и она протягивает их мне. Вглядываюсь в один – да, очертания головки, все как полагается. С носиком, ротиком и так далее.

– Все, исследование закончено, – объявляет она, крутанувшись на стуле. – Осталось последнее. Вы хотите узнать пол ребенка?

– Нет, спасибо, – с улыбкой отказывается Люк. – Мы уже подробно обо всем поговорили, правда, Бекки? Лучше не портить себе радость ожидания.

– Прекрасно, – ответно улыбается узистка. – В таком случае, я ничего не скажу.

То есть как это «не скажу»? Стало быть, она уже все знает? Пусть и нам скажет сейчас же!

– Но мы же еще ничего не решили, – вмешиваюсь я, – по крайней мере, окончательно.

– Как же так, Бекки? – теряется Люк. – Неужели ты не помнишь? Мы обсуждали это целый вечер и договорились устроить себе сюрприз.

– Ах да. Верно. – Не могу отвести глаз от расплывчатого снимка. – А может, устроим сюрприз прямо сейчас? Этим радость ожидания не испортишь!

Вообще-то я слегка кривлю душой. Но разве Люк не умирает от любопытства?

– Ты и правда хочешь? – На лице Люка я вижу тень разочарования. – Узнать прямо сейчас?

– Ну-у... – нерешительно тяну я. – Если ты считаешь, что лучше не надо...

Меньше всего мне хочется расстраивать Люка. Как только я узнала, что беременна, он стал таким заботливым и милым. С недавних пор у меня появились странные желания – вот, к примеру, на днях до смерти захотелось ананасов и розовый кардиган. И Люк повез меня по магазинам!

Он уже собирается что-то ответить, как вдруг звонит его мобильник. Люк лезет в карман, но узистка предостерегающе поднимает руку:

– Извините, здесь пользоваться мобильными телефонами запрещено.

– Ясно. – Люк смотрит на экран и хмурится. – Это Йен. Надо перезвонить ему.

Кто такой Йен, объяснять мне не надо. Йен Уилер – большая маркетинговая шишка из «Аркодас Групп». У Люка собственная компания «Брэндон Коммьюникейшнс», которая занимается пиаром и рекламой, а «Аркодас» – крупный новый клиент Люка. Для Люка заполучить такого клиента было большой удачей, компания сразу пошла в рост. Люк уже нанял целую толпу новых сотрудников, а теперь собирается открывать новые филиалы в Европе.

Так что «Брэндон Коммьюникейшнс» процветает. Но Люк, как обычно, вкалывает как проклятый. Никогда не ви-

дела, чтобы он был у кого-нибудь на побегушках. А теперь, стоит только этому Йену Уилеру позвонить, Люк тотчас перезванивает – неважно, на совещании он, ужинает или даже крепко спит. Люк объясняет, что за это ему и платят: ведь он работает в индустрии обслуживания, и «Аркодас» – его мегаклиент.

А я уже решила: если Йен Уилер позвонит, когда я буду рожать, мобильник отправится прямиком в окно.

– Здесь поблизости есть стационарный телефон? – спрашивает Люк. – Бекки, если ты не против...

– Ничего страшного, – машу рукой я.

– Я вас провожу. – Узистка встает. – Подождите минутку, миссис Брэндон.

И они вдвоем скрываются за дверью, которая захлопывается с глухим стуком.

Я остаюсь в одиночестве. Аппаратура включена. Рядом с монитором лежит ультразвуковой зонд.

Достаточно протянуть руку, и...

Нет, лучше не буду. Я понятия не имею, как включается эта штука. И потом, весь сюрприз будет испорчен. Подождем, если Люку приспичило.

Поерзав на кушетке, я принимаюсь разглядывать собственные ногти. А что, подожду запросто. Без проблем. Легко...

Господи, нет. Ни за что. До декабря я не вытерплю. Вон же он, зонд, только руку протянуть... и рядом ни души...

Взгляну одним глазком – и все. По-быстренькому. А Люку – ни слова. И сюрприз останется сюрпризом – если не для меня, то для Люка точно. Вот!

Передвинувшись, дотягиваюсь до зонда, приставляю его к измазанному гелем животу, и – раз! – на экране тут же появляется нечеткое изображение.

Получилось! Осталось чуть-чуть сдвинуть зонд, чтобы было лучше видно... Сосредоточенно нахмурившись, я веду зондом по животу, наклоняю его то так, то этак, вытягиваю шею, чтобы видеть экран. А это гораздо проще, чем я думала! Наверное, надо мне было стать узисткой. У меня же явно врожденный дар.

Вот и голова. Ого, какая огромная! А этот отросток, должно быть...

У меня замирает рука, дыхание перехватывает. Я видела его. Теперь я знаю, какого пола наш малыш!

Это мальчик!

Правда, изображение на экране очень размытое, хуже, чем раньше, но все равно ошибиться невозможно. У нас с Люком будет сын!

– Эй! – обращаюсь я к экрану дрогнувшим голосом. – Эй, малыш!

Слезы так и льются по щекам, ничем их не остановишь. У нас чудесный крохотный мальчик! Можно наряжать его в симпатичные штанишки, купить ему машину с педалями, Люк научит его играть в крикет, и звать сыночка мы будем...

Боже мой! А как же мы его назовем?

Интересно, согласится Люк назвать нашего малыша Биркин или нет? Тогда можно будет специально под памперсы и другие детские вещички прикупить настоящую сумку «Биркин».

Биркин Брэндон. Классно звучит.

– Здравствуй, маленький, – воркую я, обращаясь к огромной круглой голове на экране. – Хочешь, мы назовем тебя Биркин?

– Что вы делаете?

Услышав голос узистки, я вздрагиваю. Явно перепуганная, она стоит в дверях рядом с Люком.

– Эта аппаратура – больничное имущество. Пациентам трогать ее запрещено!

– Простите, – я утираю слезы, – мне просто так захотелось взглянуть еще разок! Люк, представляешь, я говорила с нашим малышом. Это какое-то... чудо.

– Дай-ка и мне посмотреть. – Люк оживает и торопится ко мне, за ним по пятам следует узистка. – Где он?

Даже если Люк заметит, что это мальчик, и никакого сюрприза не получится, – мне все равно. Я обязана поделиться с ним радостью.

– Смотри, вот головка! – показываю я. – Привет, милый!

– А лицо где? – Люк немного волнуется.

– Не знаю, может, с другой стороны. – Я машу экрану рукой: – Это мы, мама и папа! И мы очень-очень любим тебя...

– Миссис Брэндон, – перебивает узистка, – вы объясняетесь в любви своему мочевому пузырю.

Ну подумайте, откуда я могла знать, что это мой мочевого пузырь? Выглядел-то он точь-в-точь как голова младенца!

Весь путь до кабинета врача мои щеки так и пылают. Узистка строго отчитала меня – выдала целую лекцию о том, что я могла или прибор испортить, или себе навредить. Едва отделались от нее – когда Люк пообещал щедрые пожертвования кабинету диагностики.

А еще узистка сказала, что узнать пол ребенка я смогла бы, только если бы очутилась там же, где и он. Вот тебе на.

Но перед мистером Мозгли, врачом, который ведет мою беременность, я сажусь в приподнятом настроении. Он так классно умеет подбодрить и успокоить, наш мистер Мозгли. Ему уже сильно за шестьдесят. Ухоженные седеющие волосы, костюм в тонкую полоску, слабый аромат старомодного лосьона после бритья. Доктор Мозгли помог родиться тысячам малышей, в том числе и Люку! Честно говоря, не представляю Элинор рожающей, но как-то же Люк должен был появиться на свет. Когда выяснилось, что я беременна, Люк сразу сказал, что если доктор Мозгли еще не вышел на пенсию, наблюдать мы будем только у него, потому что второго такого врача в стране не найти.

– Мальчик мой. – Доктор Мозгли тепло жмет руку моему мужу. – Ну, как ты?

– Отлично. – Люк усаживается рядом со мной. – А как дела у Дэвида?

Люк учился вместе с сыном мистера Мозгли и теперь при каждой встрече расспрашивает о нем.

Повисает пауза: мистеру Мозгли надо обмозговать вопрос. Вот что меня в нем капельку раздражает. Над каждым словом он думает так, будто от ответа зависит жизнь, даже если это просто замечание, брошенное мимоходом, для поддержания разговора. Во время прошлого визита меня угораздило спросить, где он купил такой галстук, и он сначала задумался минут на пять, потом позвонил жене, чтобы уточнить, и конца этим уточнениям не было. А я брякнула про тот дурацкий галстук просто так, он мне даже не понравился.

– У Дэвида все замечательно, – наконец кивает мистер Мозгли. – Передает вам приветы. – Он снова умолкает, изучая бумаги от узистки. – Очень хорошо, – заключает он. – Все в норме. Как вы себя чувствуете, Ребекка?

– Потрясающе! – отзываюсь я. – Здорово, что у малыша все хорошо.

Мистер Мозгли кивает на мою карточку:

– Вижу, вы все еще трудитесь полный рабочий день. Вы не переутомляетесь?

Сидящий рядом Люк сдавленно фыркает. Какая невоспитанность.

– Э-э... – Наспех соображаю, что сказать. – Моя работа не настолько утомительна.

– Бекки работает в «Облике», – поясняет Люк. – Знаете, в том новом универмаге на Оксфорд-стрит.

Выражение лица доктора меняется.

– А-а... Понятно.

Каждый раз, когда я сообщаю, чем занимаюсь, люди или смущенно отворачиваются, или переводят разговор на другое, или делают вид, будто даже название «Облик» слышат впервые. А этого быть не может, потому что уже несколько недель все газеты только о нем и пишут. Вчера, к примеру, «Дейли уорлд» назвала наш универмаг «самым провальным торговым проектом во всей британской истории».

Одно хорошо: если работаешь в магазине, на который навесили ярлык «провальный», можно сколько угодно ходить по врачам и занятиям для будущих родителей. И назад не торопиться – моего отсутствия все равно никто не заметит.

– Уверен, скоро все образуется, – ободряюще говорит мистер Мозгли. – Итак, у вас есть ко мне вопросы?

Решительно делаю глубокий вдох.

– Вообще-то всего один, мистер Мозгли. Если УЗИ показало, что все в норме, может быть, ничего страшного, если... ну, вы понимаете...

– Разумеется, – мудро кивает врач. – Многие пары воздерживаются от сношений в начале беременности...

– Да при чем тут секс? – удивляюсь я. – Речь о шопинге.

– О шопинге? – Мистер Мозгли растерян.

– Я ведь еще ничего не приготовила для ребенка, – объ-

ясняю я. – Боялась сглазить. Но если все идет как положено, прямо сегодня и начну!

Мой восторг так и рвется наружу. Я уж думала, не дождусь, когда смогу походить по магазинам специально для малыша. Как раз сегодня прочитала, что на Кингс-роуд открылся новый шикарный магазин детских товаров «Бамбино». Зря, что ли, я взяла по-честному самый настоящий день отгула!

Чувствую на себе пронзительный взгляд Люка, оборачиваюсь и вижу на его лице недоверчивое удивление.

– «Начну»? Милая, ты о чем? – спрашивает он.

– Для ребенка я еще ничего не купила, – спешу оправдаться я. – Разве ты забыл?

Люк начинает загибать пальцы:

– А халатик от Ральфа Лорана? А лошадку-качалку? А розовый костюм феи с крылышками?

– Эти вещи пригодятся, когда малыш начнет ходить, – с достоинством разъясняю я. – А для младенца у меня нет ни единой вещички.

Нет, ну вы подумайте! Раз Люк не знает даже, чем младенцы отличаются от детей, какой же из него выйдет отец?

– А если у нас будет мальчик? – интересуется Люк. – Ты и его начнешь наряжать розовой феей?

Вообще-то тот костюмчик я сама не прочь поносить. Даже померила разок – оказалось, ткань так тянется! Люку, конечно, знать об этом незачем.

– Люк, я тебе поражаюсь! Вот уж не думала, что ты настолько предубежден!

Мистер Мозгли растерянно слушает нас.

– Если я правильно понял, вы не хотите заранее знать пол ребенка? – вставляет он.

– Нет, спасибо. – Люк непреклонен. – Лучше сделаем себе сюрприз. Верно, Бекки?

– Э-э... да, – кашлянув, соглашаюсь я. – Мистер Мозгли, а может, мы обязаны знать заранее по каким-нибудь... очень важным, экстренным медицинским причинам?

Впиваюсь в доктора гипнотическим взглядом. Но он не понимает намек и лишь улыбается:

– Не вижу таковых.

Вот черт.

Кабинет мы покидаем через двадцать минут. Из них три минуты доктор Мозгли осматривал меня, а все остальное время они с Люком вспоминали какой-то школьный крикетный матч. Из вежливости я делала вид, что слушаю, а сама чуть не подпрыгивала на стуле. В «Бамбино» хочу!

Но вот прием закончен. Мы выходим на оживленную лондонскую улицу. Женщина катит винтажную коляску от компании «Серебряный крест», которую я украдкой разглядываю. Как раз такую я и решила купить: колеса шикарные, пружинят. Только цвет выберу другой, ярко-розовый. Вид будет – супер. И меня станут называть «девушка с розовой

колясочкой». А если родится мальчик, побрызгаю голубой краской из баллончика. Нет, не голубой – аквамаариновой. И меня станут...

– Сегодня я разговаривал с Джайлсом из агентства недвижимости, – прерывает мои мысли Люк.

– Правда? – радуюсь я. – Нашлось что-нибудь?

– Ничего.

– А-а... – Я сникаю.

Пока мы живем все в том же роскошном пентхаусе Люка. Квартира замечательная, вот только без сада, да и бежевого ковролина слишком много, и вообще для ребенка она не годится. Поэтому несколько недель назад мы выставили ее на продажу и начали подыскивать себе удобный семейный домик.

Квартира улетела со свистом. Не подумайте, что я хвастаюсь, но это исключительно моя заслуга. И мое блестящее чувство стиля: я повсюду расставила свечи, принесла в ванную бутылку шампанского в ведерке со льдом, а чтобы оживить обстановку, всюду разбросала оперные программки и приглашения на всякие пафосные тусовки (одолжила у моей светской подружки Сьюзи). И эта пара, Карлссоны, не сходя с места заключили договор о намерениях! И пообещали расплатиться сразу же!

Все это здорово, конечно, но где нам теперь жить? Мы еще не видели ни одного дома, который нам понравился бы, а в агентстве все твердят, мол, рынок «обмелел» да «истощил-

ся», и, может, нам подумать об аренде?

А я не хочу ничего арендовать. Хочу жить в чудесном новом доме и растить в нем ребенка.

Я поворачиваюсь к Люку:

– Вдруг мы ничего не найдем? Вдруг нас вышвырнут на улицу? А скоро зима... И я уже на последних месяцах беременности...

Мне уже видится, как я, еле переставляя ноги, бреду по Оксфорд-стрит, а невидимый хор поет «Городок Вифлеем».

– Дорогая, никто нас на улицу не вышвырнет! Но Джайлс советует нам все-таки умерить свои требования. – Люк делает паузу. – По-моему, речь о твоих требованиях, Бекки.

Так нечестно! Когда нам прислали бланк заявки «Ищем недвижимость», там было указано: «Выражайте свои пожелания как можно более конкретно». Вот я и расписала все подробно. А теперь они, видите ли, недовольны!

– Похоже, от обувной комнаты нам придется отказаться, – добавляет он.

– А как же... – Заметив, какое у Люка стало лицо, я замолкаю. Однажды я увидела «обувную гардеробную» в передаче «Стиль богатых и знаменитых» и с тех пор прямо обмираю по ней. – Хорошо, – послушно отзываюсь я.

– И пожалуй, не будем ограничиваться только одним районом.

– Я не против! – говорю я под звонок мобильного Люка. – Наоборот, обеими руками за.

Между прочим, это Люк настаивал на Мейда-Вейле. А у меня в списке полным-полно мест, где я не прочь пожить.

– Люк Брэндон слушает, – деловито произносит он в трубку. – А-а, привет. Да, на УЗИ были. Вроде все в норме. – Люк обращается ко мне: – Это Джесс. Говорит, звонила тебе, но у тебя мобильник отключен.

– Джесс! – ликую я. – Дай поговорить!

Джесс – моя сестра. Моя сестра! До сих пор как подумаю об этом, аж вздрагиваю от радости. Всю жизнь я считала себя единственным ребенком, а потом оказалось, что у меня есть сестра, пусть и неродная! Сначала отношения у нас не заладились, но после того, как мы вдвоем пережили бурю в горах и поговорили по душам, мы подружились по-настоящему.

Мы не виделись уже месяца два: Джесс укатила в геологическую экспедицию в Гватемалу. Но мы созваниваемся, переписываемся по электронной почте, а однажды она прислала мне по мобильнику фотографии: какая-то скала и Джесс на ней. (В уродском синем анорাকে с капюшоном – вместо изящной курточки из искусственного меха, которую я ей подарила. Ну что мне с ней делать?)

– Я возвращаюсь в офис, – сообщает Люк в телефон, – а Бекки идет по магазинам. Хочешь с ней поговорить?

– Тсс! – в ужасе шикаю я: о магазинах и покупках при Джесс лучше не заикаться.

Состроив Люку гримасу, беру телефон и прижимаю к уху.

– Привет, Джесс! Как ты?

– Отлично! – слышится сквозь треск ее далекий голос. – Вот звоню узнать, как прошло обследование.

Я растроганно слушаю: оказывается, она все помнит. Висит, наверное, на веревке в какой-нибудь расщелине, долбит скалу, а позвонить не поленилась.

– Просто замечательно!

– Да, Люк уже сказал. Вот и хорошо. – В голосе Джесс облегчение.

Я знаю: в том, что я свалилась с горы, Джесс винит себя – ведь это за ней я полезла в горы, потому что...

Словом, долго рассказывать. Главное, что ребенок не пострадал.

– Люк говорит, ты по магазинам собралась.

Да, прикуплю самое необходимое для малыша, – небрежно отзываюсь я. – Ну, там... э-э... памперсы из переработанных материалов. В магазине для экономных. – Вижу, что Люк уже давится хохотом, и торопливо отворачиваюсь.

Дело в том, что моя сестра Джесс не выносит ходить по магазинам, тратить деньги и губить планету бессмысленным потребительством. И думает, что и я этого терпеть не могу. Она убеждена, что я последовала ее примеру и теперь живу в режиме экономии.

Сказать по правде, я и жила – почти целую неделю. Заказала большущий мешок овсяных хлопьев, накупила одежды в «Оксфаме» и сварила суп из чечевицы. Все бы хорошо, да только быть бережливой – скука смертная. От супа тош-

нит, журналы не покупаешь, потому что это напрасная трата денег, обмылки собираешь и склеиваешь в один тошнотворный ком. А мешок с хлопьями занял то место, где Люк раньше хранил клюшки для гольфа, так что в конце концов я его выкинула и купила зерновое печенье к завтраку «Уитабикс».

Только Джесс я об этом не говорю: боюсь за наши замечательные родственные узы.

– А ты видела статью про то, как можно делать гигиенические салфетки и подгузники своими руками? – с воодушевлением подхватывает Джесс. – Это очень просто. Я уже начала собирать для тебя всякие тряпки. Вместе и займемся.

– М-м... да, конечно!

Джесс упорно присылает мне номера журнала под названием «Экономный малыш». На обложке последнего номера, под заголовком «Оборудуйте детскую всего за 25 фунтов!», фотография карапуза в одежках, перешитых из старых мешков для муки, один вид которых вгоняет меня в депрессию. Не желаю я укладывать ребенка спать в пластмассовый короб для грязного белья, даже если он стоит всего три фунта. Хочу хорошенькую колыбельку всю в белых оборочках.

А Джесс уже нахваливает какие-то «износостойкие детские комбинезончики из пеньки». Пожалуй, на сегодня с меня хватит.

– Знаешь что, Джесс, мне пора, – перебиваю я. – Ты успеешь вернуться к маминому празднику?

На следующей неделе моей маме исполняется шестьдесят

лет. По такому случаю намечается вечеринка с кучей гостей и настоящим оркестром, а сосед Мартин пообещал показать фокусы!

– Конечно! – отзывается Джесс. – Такое событие я ни за что не пропущу. Там и увидимся.

– Пока!

Отключаюсь, оборачиваюсь и вижу, что Люк уже остановил такси.

– Подбросить тебя до магазина для экономных? – спрашивает он, распахивая дверцу.

Очень смешно.

– На Кингс-роуд, к магазину «Бамбино», пожалуйста, – обращаюсь я к таксисту. – Хочешь со мной, Люк? – великодушно предлагаю я. – Посмотрим коляски и еще что-нибудь, потом выпьем чаю...

Лицо у Люка такое, что я сразу понимаю: он откажется.

– Милая, мне надо в офис. У меня встреча с Йеном. Но в следующий раз – обязательно.

Обижаться бесполезно. Я же знаю, что Люк трудится для «Аркодаса» не покладая рук. Хорошо еще, что он нашел время съездить со мной на УЗИ.

Такси трогается с места, Люк обнимает меня и говорит:

– Ты прямо светишься.

– Да-а? – Я улыбаюсь ему.

И правда, сегодня я сама себе нравлюсь. На мне потрясающие новенькие джинсы «Эрл» для будущих мам, эспад-

рильи на высокой танкетке и сексуальный топ от Изабеллы Оливер – с открытой спиной и завязками на шее. Я нарочно так завязала их, чтобы спереди виднелась полоска загорелого животика.

Ни за что бы не подумала, что быть беременной так классно! Да, живот растет, но ведь так и должно быть. Зато по сравнению с животом ноги кажутся стройными. Вдобавок обзаводишься роскошной ложбинкой (между прочим, Люк от нее без ума).

– Посмотрим еще разок на снимки, – предлагает он.

Я достаю из сумочки гляцевый рулончик, и некоторое время мы молча разглядываем круглую головку и крохотный профиль.

– Мы дали жизнь совершенно новому человечку, – бормочу я, не сводя глаз со снимав, – Представляешь?

– Да. – Люк крепче обнимает меня. – Второго такого приключения даже не придумать.

– Природа все предусмотрела. – Я чувствую, что опять разволновалась, и закусываю губу. – Материнские инстинкты вдруг сами собой взяли да и включились. Я просто... я хочу дать нашему малышу все.

– «Бамбино»! – объявляет таксист, подруливая к тротуару.

Оторвавшись от снимков, я вижу совершенно сказочный фасад новенького магазина. Здание кремовое, маркизы – в красную полоску, швейцар одет игрушечным солдатиком, а

витрины – сокровищница для детей. Манекены в миленьких младенческих одежках, детская кроватка в виде «кадиллака» пятидесятых годов, маленькое «чертово колесо» – совсем как настоящее, и все крутится, и крутится...

– Вот это да! – ахаю я и хватаюсь за ручку двери. – Интересно, продается это «чертово колесо» или нет? Пока, Люк, до встречи...

Я уже на полпути к дверям магазина, когда Люк окликает меня:

– Постой!

Обернувшись, замечаю на его лице тень тревоги.

– Бекки, ребенку совсем не обязательно иметь абсолютно все.

2.

И зачем я так долго откладывала поход по детским магазинам?

Наконец-то я в отделе для младенцев на первом этаже «Бамбино». Всюду мягкий ковролин, музыкальный центр без остановки играет детские песенки, у входа сидят большие мягкие зверюхи. Сотрудник магазина, наряженный Кроликом Питером, подает мне белую плетеную корзинку, я вцепляюсь в нее, оглядываюсь по сторонам – и готово, у меня острая потребительская недостаточность.

Верно говорят, что материнство меняет до неузнаваемости. Впервые в жизни я о себе даже не вспоминаю. Я – воплощение альтруизма! Думаю только о благе будущего ребенка.

С одной стороны – штабеля потрясающих колыбелек и вращающиеся, тихо позвякивающие мобили. С другой – соблазнительно поблескивающие хромом коляски. Прямо по курсу – бесконечная выставка крошечных одежек. Не удержавшись, шагаю к ним. Вы только взгляните, какие тапочки с зайчиками! И малюсенькие кожаные курточки-дутики! А еще целый отдел «Бэби Диор»... Боже мой, и детская коллекция «Дольче»...

Стоп. Успокойся. Будем действовать по порядку. Что мне сейчас нужно, так это список.

Выуживаю из сумочки книгу «Девять месяцев вашей жизни»

ни». Открываю восьмую главу, «Покупки для малыша», и старательно вчитываюсь в текст.

Одежда

Не поддавайтесь искушению закупить слишком много одежды для самых маленьких. Для удобства стирки рекомендуем выбирать белые вещи. Трех простых комбинезончиков и шести распашонок вполне достаточно.

Минуту я изучаю эти слова. Неправильно это – слишком буквально воспринимать все, что написано в книгах. Во вступлении так и сказано:

Следовать всем приведенным советам незачем. Все дети разные, поэтому доверьтесь материнскому инстинкту.

А мой инстинкт настойчиво советует купить кожаную курточку.

Бросаюсь к полкам и начинаю изучать размеры на этикетках: «новорожденный ребенок», «маленький ребенок»... Откуда мне знать, маленький он у меня будет или нет? В порядке эксперимента ощупываю свой живот. Судя по ощущениям, внутри что-то не слишком большое, но разве точно определишь? Пожалуй, возьму оба размера – на всякий случай.

– О, зимний комбинезон «Урбанбэби»! – Наманикюренная рука выныривает из-за моей спины и цапает стеганый белый костюмчик на шикарных черных плечиках. – С ног

сбилась, пока нашла!

– Я тоже! – на автомате заявляю я и хватаю последний комбинезон.

– Представляете, в «Харродзе» в очередь на них надо записываться за полгода! – Хозяйка наманикюренной руки – угрожающе беременная блондинка в джинсах и бирюзовой блузке-стретч с запахом. – О, да у них вся коллекция «урбанов»! – И она начинает метать младенческие вещички в белую плетеную корзинку. – Смотрите-ка, даже башмачки «Пятачок»! Обязательно возьму дочкам.

А я слыхом не слыхивала про «Урбанбэби». Не говоря уже о башмачках «Пятачок».

Что ж я такая непродвинутая, а? Почему совсем не разбираюсь в детских брендах? В легкой панике я изучаю крохотную одежду. Понятия не имею, что теперь носят. Никакого представления о младенческой моде. И на изучение у меня всего четыре месяца.

Могла бы хоть спросить у Сьюзи. Она моя самая давняя и лучшая подруга, у нее трое детей – Эрнест, Уилфрид и Клементина. Но Сьюзи – другое дело: ее малыши носят фамильные распашонки с ручной вышивкой, заштопанные старой камеристкой ее матери, и спят младенцы в дубовых колыбельках в обширном родовом гнезде.

Беру две пары башмачков «Пятачок», несколько комбинезончиков «Урбанбэби» и для верности резиновые сапожки «Джелли-Велли». И тут замечаю невозможно милое ро-

зовое платье. На нем переливчатые пуговицы, к нему полагаются такие же розовые панталончики и крохотулечные носочки. Прелесть, слов нет!.. А если родится мальчик?

Не знать пол ребенка – это невыносимо. Должен же быть какой-то тайный способ.

– А у вас сколько детишек? – спрашивает покупательница в бирюзовом и щурится, разглядывая на туфельках размеры.

Я указываю на свой живот:

– Жду первого.

– Какая прелесть! И моя подруга Саския тоже. – Она кивает в сторону стоящей поодаль темноволосой девушки. Саския (поджарая, как борзая, без намека на беременность) увлеченно щебечет по мобильнику. – Она только что узнала. Сколько радости!

В эту минуту Саския захлопывает телефон и с сияющим видом направляется к нам.

– Получилось! – объявляет она. – Я записана к Венеции Картер!

О, Саския, замечательно! – Покупательница в бирюзовом роняет свою корзинку прямо мне на ногу и бросается к Саскии на шею. – Ах, простите! – весело добавляет она, когда я подаю ей корзинку. – Такая новость, такая новость! Сама Венеция Картер!

– Вы тоже у Венеции наблюдаетесь? – вдруг с интересом спрашивает Саския.

А я настолько не в курсе младенческих дел, что знать не

знаю никакую Венецию Картер.

– Впервые слышу о ней, – признаюсь я.

– Быть того не может! – У будущей мамыши в бирюзовом округляются глаза. – Это же известный акушер-гинеколог! Врач, к которому обязательно надо попасть!

Известный врач, к которому обязательно надо попасть?

У меня прямо мурашки по коже забегали. В городе есть знаменитый врач, а я о нем только сейчас узнала?

– Она из Голливуда! – тараторит бирюзовая. – Принимала роды у всех кинозвезд! И вот теперь она здесь, в Лондоне. Все супермодели к ней ходят. Венеция организует для своих пациенток чаепития – отпад, правда? И все приносят своих малышей и получают подарочки...

Я слушаю, а сердце колотится как сумасшедшее. Подарочки? Чаепития с супермоделями? Сколько, оказывается, интересного я пропустила! Почему мне до сих пор никто не рассказал про Венецию Картер?

Это все Люк виноват. Из-за него мы сразу записались к надутому старому мистеру Мозгли. Будто других врачей и на свете нет.

– Не знаете, хорошо она принимает роды? – притворяясь невозмутимой, спрашиваю я.

– О, Венеция чудо! – Саския гораздо настойчивее, чем ее подруга. – Не то что все это старичье. Между ней и пациентками возникают особые узы. Моей шефине Аманде она устроила потрясные холистические роды в воду! С цветами

лотоса и тайским массажем!

С массажем? С тайским?! А мистер Мозгли вообще ни о каком массаже и не заикался.

– Мой муж ни за что не раскошелится, – надувает губки блондинка в бирюзовом. – Жадина он у меня. А тебе везет, Саския.

– Скажите, как вы на нее вышли? – вдруг вырывается у меня. – У вас есть ее адрес? Или телефон?

– О-о... – Беременная в бирюзовом с сомнением переглядывается с Саскией. – Вы, наверное, все равно уже опоздали. У нее все забито.

– Могу дать вот это... там и телефон есть, попробуйте позвонить. – Саския лезет в свою сумочку от «Малберри» и достает буклет.

Крупная надпись «Венетия Картер» выполнена элегантным рельефным шрифтом темно-синего цвета, ниже силуэт младенца. Открываю буклет и первым делом вижу хвалебные отзывы, а под ними, скромненько так, – имена. Сплошь звезды! На обороте адрес: Мейда-Вейл.

Невероятно. Мы же как раз там живем, в Мейда-Вейле. Значит, это не просто совпадение!

– Спасибо, – задыхаясь от волнения, произношу я. – Непременно позвоню.

Едва Саския с подругой уходят, я выхватываю телефон и звоню Люку.

– Люк! – кричу я, как только слышу его голос. – Слава

богу, ты ответил! Знаешь что?

– Бекки, что с тобой? – тревожится он. – Что стряслось?

– У меня все прекрасно! Слушай, нам надо сменить врача! Я тут только что узнала об одной потрясающей специалистке по имени Венеция Картер, у которой наблюдаются все знаменитости. У нее бывают буквально все, она чудо и принимает прямо рядом с нами! Лучше не придумаешь! И я как раз собираюсь ей звонить!

– Не понимаю, Бекки, о чем ты говоришь, – изумленно отзывается Люк. – Не будем мы менять врача! У нас уже есть свой врач. Притом отличный.

Он что, не слушает меня?

– Да знаю, – отмахиваюсь я. – А Венеция Картер принимает роды у всех кинозвезд! У нее холистический подход!

– Холистический? Это еще что такое?

Произвести впечатление на Люка явно не удалось. Какое у него все-таки ограниченное мышление.

– Это значит, что все у нее рожают просто замечательно! С тайским массажем! Я только что познакомилась в «Бамбино» с двумя девушками, и они говорят...

– Не понимаю, чем она лучше доктора Мозгли, – прерывает меня Люк. – Нам известно, что у него богатый опыт, что он знает свое дело, он друг семьи...

– Но... но... – в досаде начинаю я.

– Что «но»?

И я вмиг тушууюсь. Не могу же я выпалить «Но ведь доктор

Мозгли не устраивает звание чаепития с супермоделями!»!

– А может, я хочу ходить на осмотры к женщине! – вдруг осеняет меня. – Об этом ты подумал?

– Тогда давай попросим мистера Мозгли порекомендовать нам кого-нибудь из коллег, – непреклонно заявляет Люк. – Бекки, наша семья знает мистера Мозгли не первый год. Не стоит мчаться к никому не известному модному врачу только потому, что его расхвалили какие-то пациентки.

– Но Венеция Картер – известный врач, в том-то и дело! Пациентки у нее сплошь знаменитости!

– Бекки, остановись. – В голосе Люка вдруг слышатся стальные нотки. – Напрасно ты все это затеяла. Прошло уже больше половины беременности. Врача мы менять не будем, и точка. Все, пришел Йен, мне пора. До встречи.

Телефон умолкает, а я сердито смотрю на него.

Как Люк смеет решать за меня, к какому врачу мне ходить? Что в нем хорошего, в этом его драгоценном мистере Мозгли? Я запикиваю мобильник и буклет в сумочку и в ярости принимаюсь набивать корзину костюмчиками фирмы «Крольчонок».

Ничего Люк не понимает. Если Венецию Картер выбирают все кинозвезды, значит, она просто не может быть плохим врачом.

И все будет хорошо. Просто распрекрасно.

Мне вдруг представляется, как я лежу в больнице, баюкаю новорожденного малыша, а на соседней койке – Кейт

Уинслет. А у стены – Хайди Клум. И все мы подружились! Мы покупаем друг другу символические подарки, наши дети навсегда связаны незримыми узами, мы будем вместе ходить в парк и фотографироваться для журнала «Хелло!». И подпись: «Кейт Уинслет везет коляску и болтает с подружкой».

Или даже «со своей лучшей подружкой Бекки».

– Простите, может быть, возьмете вторую?

Незнакомый голос прерывает мои мысли, я оборачиваюсь и вижу продавца, который смотрит на мою переполненную корзину. Оказывается, я увлеклась и сгребала все подряд.

– О, спасибо, – растерянно бормочу я, беру вторую корзину и плетусь к полкам с миниатюрными шляпками из коллекций «Звездочка» и «Маленькое сокровище». Но мне сейчас не до шляпок.

Хочу быть пациенткой Венеции Картер. И мне все равно, что скажет Люк.

Вдруг расхрабрившись, я с вызовом достаю телефон и буклет, отхожу в тихий уголок магазина и старательно набираю номер.

– Приемная Венеции Картер. Добрый день, – раздается в трубке бархатный голос.

– О, здравствуйте! – Я вкладываю в приветствие все свое обаяние. – В декабре у меня будет ребенок, я слышала, что Венеция Картер замечательный врач и просто хотела узнать, нельзя ли мне записаться к ней на прием.

– Сожалею, – вежливо, но твердо отвечает секретарь, – в настоящее время у мисс Картер весьма плотный график.

– Но мне очень надо! Мне никак не обойтись без холистических родов в воду. И живу я в Мейда-Вейле, и приплатить могу...

– У мисс Картер абсолютно нет...

– ...и кстати, совсем забыла: я работаю личным консультантом по шопингу, поэтому буду рада предложить мисс Картер мои профессиональные услуги. – Меня уже несет, не могу остановиться. – У моего мужа собственная фирма, занимающаяся пиаром, он может бесплатно провести рекламную кампанию для мисс Картер! Конечно, в лишней рекламе она не нуждается, – спохватившись, добавляю я, – но, может быть, вы все-таки спросите у нее, а? Пожалуйста!

Молчание.

– Представьте, будьте добры, – наконец просит секретарь.

– Ребекка Брэндон, – с жаром отзываюсь я. – Жена Люка Брэндона из «Брэндон Коммьюникейшнс», так что...

– Подождите минутку, миссис Брэндон. Венеция... – Разговор прерывают «Времена года» в непривычном ускоренном темпе.

Только бы она согласилась. Только бы согласилась.

В ожидании я почти не дышу. Застыла возле стеллажей с белыми трикотажными кроликами, изо всех сил скрестила пальцы, вцепилась на всякий случай в связку амулетов и

талисманов и посылаю беззвучные молитвы богине Вишну, которая раньше часто выручала меня.

– Миссис Брэндон!

– Алло! – Я мгновенно забываю об амулетах. – Слушаю вас!

– Скорее всего, в ближайшее время в расписании мисс Картер появится непредвиденное окно. В течение нескольких дней мы известим вас дополнительно.

– Отлично, – с облегчением вздыхаю я. – Спасибо вам огромное!

КОРОЛЕВСКИЕ АВИАЛИНИИ

Главный офис, Престон-Хаус

Лондон, Кинсуэй 354

Миссис Р. Брэндон

Квартал Мейда-Вейл, 37

Мейда-Вейл

Лондон

14 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,

Благодарим Вас за письмо, а также за приложенную информацию о маршрутах полетов, справку от врача и снимки.

Я согласна с Вами: Ваш будущий ребенок уже совершил немало полетов самолетами компании «Королевские авиалинии». К сожалению, при подсчете общего количества преодоленных миль они не будут учтены, поскольку ни на один из упомянутых рейсов

Ваш ребенок билетов не покупал.

Сожалею, что вынуждена разочаровать Вас.
Надеюсь, в будущем Вы снова выберете компанию
«Королевские авиалинии».

С уважением,

Маргарет Макнэр,

менеджер службы поддержки клиентов.

3.

О Венеции Картер я больше не упоминаю.

Во-первых, еще ничего не решено. А во-вторых, если супружеская жизнь и научила меня чему-то, так это умению не заводить разговоров на щекотливые темы, когда муж в запарке и одновременно открывает филиалы в Амстердаме и Мюнхене. Люк пропадал в разъездах всю неделю и только накануне вечером вернулся совсем измотанный.

И потом, смена врача – не единственная деликатная тема, которую мне давно пора поднять. Предстоит еще обсудить малюсенькую царапину на «мерседесе» (виновата не я, а тот, кто понаставил эти дурацкие столбы) и две пары туфель, которые надо забрать у Миу Миу, когда Люк будет в Милане.

Сегодня суббота, а я сижу в кабинете и с лэптопа проверяю свой банковский баланс. Сферу банковских интернет-услуг я открыла для себя всего пару месяцев назад и с тех пор не нарадуюсь. Ведь по Интернету состояние счета можно проверить в любой момент! Вдобавок из банка не присылают выписки по обычной почте, а значит, по дому они не расползутся и не попадутся на глаза никому (то есть мужу).

– Бекки, мама прислала письмо. – Люк входит с почтой и кружкой кофе. – Передает тебе привет.

– Твоя мама? – Мне едва удастся скрыть ужас. – Элинор? Что ей надо?

У Люка две матери. Милая и добрая мачеха Аннабел живет вместе с отцом Люка в Девоне, и мы в прошлом месяце навещали их. А Снежная Королева и по совместительству настоящая мать Люка бросила сына, когда он был совсем маленьким, и укатила в Америку. Будь моя воля, я бы с Элинор и знаться не стала.

– Она путешествует по Европе вместе со своей коллекцией.

– Зачем? – тупо спрашиваю я. И тут же представляю Элинор на пляже, со свернутыми в рулон картинами под мышкой. В таком виде она сама на себя не похожа.

– Сейчас коллекцию демонстрируют в галерее Уффици, затем она будет выставлена в Париже... – Люк обрывает себя. – Надеюсь, ты не подумала, что мама повезла картины развеяться на курорт.

– Вот еще! – возмущаюсь я. – Я сразу поняла, что ты имеешь в виду.

– Словом, она хочет встретиться с нами ближе к концу года, когда будет в Лондоне.

– Люк... А я думала, ты ее ненавидишь. Ты забыл, что решил больше с ней никогда не встречаться?

– Перестань, Бекки. – Люк слегка хмурится. – Нашему ребенку она приходится бабушкой. Нельзя просто взять и вычеркнуть ее из жизни.

Еще как можно, хочется парировать мне. Но я только с сомнением пожимаю плечами. Пожалуй, Люк прав. Ведь наш

будущий малыш – единственный внук Элинора. Ее кровинка.

Господи, а если ребенок уродится в нее? Перед глазами возникает жуткая картина: малыш в колясочке, в безукоризненном кремовом костюмчике от Шанель, возмущенно выговаривает мне: «Мама, опять у тебя неопрятный вид!»

– А чем это ты занимаешься? – вклинивается в мои мысли Люк, и я спохватываюсь. Слишком поздно, он уже идет прямо ко мне. И к моему лэптопу.

– Да так, ничем! – торопливо отвечаю я. – Банковский баланс смотрю...

Я щелкаю кнопкой, чтобы закрыть окно, а компьютер, как назло, зависает. Вот попала.

– Что-то не так? – интересуется Люк.

– Нет! – Я почти в панике. – То есть... просто выключила машину, да и все! – И я незаметно выдергиваю из розетки шнур.

Экран все равно светится. А на нем баланс – черным по белому.

Люк между тем приближается. Ладно, только бы на экран не смотрел.

– Дай-ка взглянуть... – Люк останавливается рядом. – На сайт банка зашла?

– Вроде как... Ничего страшного, честно...

Я пытаюсь загородить животом экран, но безуспешно. Несколько минут Люк ошеломленно взирает на баланс.

– Бекки, – наконец произносит он, – здесь правда написа-

но «Первый кооперативный банк Намибии» или мне мерещится?

– Э-э... да. – Надеюсь, мой голос звучит деловито. – Я завела в нем маленький такой интернет-счет.

– В Намибии?

– Оттуда мне прислали письмо и предложили очень выгодный процент, – слегка смущаясь, объясняю я. – Глупо было упускать такую возможность.

– Бекки, ты что, отвечаешь на все электронные письма, какие только получаешь? – Люк как будто не верит своим ушам. – Может, ты уже и заменитель виагры заказала?

Так я и знала: мою блестящую банковскую стратегию он не оценил.

– Не дави на меня! – возмущаюсь я. – Какая разница, в каком банке у меня счет? Люк, ты же сам говорил – коммерция вышла на глобальный уровень. Прежних границ уже не существует. И если можно на выгодных условиях открыть счет в Бангладеш, значит...

– В Бангладеш?

– Ох. Ну, в общем... Там у меня тоже есть счет. Совсем крохотный, – поспешно добавляю я, заметив, как переменялся в лице Люк.

– Бекки... – Похоже, столько новостей сразу Люку не осилить. – Скажи, сколько банковских интернет-счетов ты уже открыла?

– Три, – помедлив, отвечаю я. – Приблизительно.

Люк сверлит меня взглядом. Вот в чем главный недостаток мужей: они знают нас как облупленных.

– Ну хорошо, пятнадцать, – бормочу я.

– И по скольким у тебя перерасход?

– По пятнадцати. А что такого? – с вызовом добавляю я. –

Для чего нужен банковский счет, если перерасходы запрещены?

Люк в изумлении хватается за голову:

– Пятнадцать перерасходов! Бекки, долги стран третьего мира – твоя вина.

– Я всего лишь поставила глобальную экономику себе на службу, – возражаю я. – Между прочим, за одно открытие счета Банк Чада выдал мне пятьдесят долларов премии!

Все-таки не умеет Люк мыслить глобально. Ну и что, если у меня пятнадцать счетов в банках? Всем известно, что нельзя класть все яйца в одну корзину.

– Ты, видимо, забыл, – высокомерно продолжаю я, – что я – бывший финансовый журналист. Мир финансов и инвестиций я знаю как свои пять пальцев. Чем выше риск, тем больше прибыль, и ты в этом еще убедишься.

Сразить Люка наповал не удалось.

– Благодарю, Бекки, азы инвестирования мне известны, – вежливо сообщает он.

– В таком случае... – Меня внезапно осеняет: – Надо заодно инвестировать в экономику Бангладеш трастовый фонд ребенка! Мы разбогатеем!

– Ты рехнулась? – Люк смотрит на меня в упор.

– А что такого? Это же развивающийся рынок!

– Вряд ли, – закатывает глаза Люк. – Тем более что я уже поговорил с Кеннетом насчет траста для ребенка, и мы решили вложить эти средства в ряд надежных паевых фондов...

Я вскидываю руку:

– Минуточку! Что это значит – «уже поговорил с Кеннетом»? А меня не спросил?

Ушам не верю: со мной даже не посоветовались! Словно со мной можно вообще не считаться. Будто я не была финансовым консультантом на телевидении и не получала каждую неделю сотни писем. Будто зрители не умоляли меня дать совет.

– Послушай, Бекки, – вздыхает Люк, – Кеннет охотно порекомендует нам самые выгодные инвестиции. Тебе не о чем беспокоиться.

– Не в этом дело! – Меня просто распирает от негодования. – Люк, ты не понимаешь. Мы скоро станем родителями. Значит, пора учиться принимать все важные решения вместе. А не то родной ребенок начнет лупить нас, нам придется прятаться от него в спальне и навсегда забыть про секс!

– Что?

– Думаешь, так не бывает? В «Суперняне» показывали!

Люк вконец озадачен. Напрасно он так редко смотрит телевизор.

– Ну хорошо, – наконец говорит он, – мы можем прини-

мать решения вместе. Как скажешь. Но рисковать средствами нашего ребенка и вкладывать их в развивающийся рынок я не стану.

– А я не доверю их замшелому банку, от которого прибыли вообще не дождешься! – наношу ответный удар я.

– Тупик. – У Люка дергаются губы. – Что рекомендует эта твоя Суперняня, если у родителей принципиально разный подход к вложению капитала?

– Такого сюжета еще не было, – признаюсь я. В голову вдруг приходит идея. – Знаю! Мы поделим деньги. Ты вложишь половину, и я половину. И посмотрим, у кого лучше получится. – Не удержавшись, добавляю: – Ручаюсь, что у меня.

– А-а, ясно. Это вызов, не так ли, миссис Брэндон?

– Кто не рискует, тот не выигрывает, – бесстрастно заявляю я, а Люк смеется.

– Хорошо, так и поступим. Делим средства пополам, и каждый вкладывает их, куда сочтет нужным.

Я протягиваю руку:

– Решено. – Пока мы со всей серьезностью скрепляем сделку рукопожатием, звонит телефон.

– Я подойду. – Люк направляется к столу. – Алло!.. О, приветствую. Как дела?

Я выиграю, вот увидите! Выберу самые выгодные способы вложения капитала и озолочу нашего малыша. Пожалуй, я инвестирую средства во фьючерсы. Или в золото. Или...

в искусство! Проще простого: надо только найти еще одного Дэмиена Херста, задешево купить у него заспиртованную корову или еще что-нибудь, а потом с бешеной прибылью продать ее на аукционе Сотбис, и все будут восхищаться моим талантом и дальновидностью...

– Вот как? – произносит Люк. – Нет, мне она не говорила. Ну что ж, спасибо. – Он кладет трубку и с недоуменным видом оборачивается ко мне: – Бекки, звонил Джайлс из агентства недвижимости, вроде бы ты связывалась с ним на этой неделе. О чем шла речь?

Влипла. Ведь чувствовала, что забыла еще одну щекотливую тему. Пора составлять список.

– А-а, это... – Я прокашливаюсь и рассеянно собираю в стопку бумаги на своем столе. – Да просто я сообщила Джайлсу, что мы готовы отказаться от прежних требований. Например, слегка расширить район поисков, как ты и предлагал.

– Слегка? – недоверчиво переспрашивает Люк. – Вплоть до островов Карибского моря? Джайлс уже высылает нам описания восьми вилл на берегу и интересуется, заказывать билеты на самолет или пока не надо!

– Люк, но ты же сам сказал, что поиски нужно вести не только в своем районе! – оправдываюсь я. – Это была твоя идея!

– Я имел в виду – в Кенсингтоне! А не на Барбадосе!

– А ты видел, что нам предлагают на Барбадосе? – ожив-

ляюсь я. – Ты только взгляни! – Оттолкнувшись, я подкаты-
ваюсь в своем кресле на колесиках прямо к его столу, захожу
в Интернет и открываю сайт карибского агентства недвижи-
мости.

Эти сайты с недвижимостью такая прелесть! Особенно с
виртуальными экскурсиями.

– Видишь? – указываю я на экран. – Вилла с пятью спаль-
нями, гигантским бассейном, водяным садиком и коттеджем
для гостей!

– Бекки... – Люк делает паузу, словно размышляя, как бы
лучше втолковать мне, что к чему. – Эта вилла. Находится.
На Барбадосе.

Любит же он цепляться к мелочам.

– И что? – удивляюсь я. – Наоборот, классно! Ребенок
плавать научится, ты будешь рассылать электронные письма
из коттеджа для гостей, а я – каждое утро делать пробежки
по пляжу...

Соблазнительная картина: я в бикини из одних тесемоч-
ек везу коляску – такую специальную коляску для мамаш,
увлекающихся бегом трусцой, – по белоснежному карибско-
му пляжу. А бронзово-загорелый Люк в тенниске потягивает
пунш с ромом. Может, он даже увлечется серфингом и снова
будет носить бусинки в волосах...

– Ну уж нет, цеплять на волосы бусы не стану, – прерывает
мои мечты Люк.

Мистика какая-то! Мысли мои прочел, что ли?

Да нет, не может быть. Наверное, я уже делилась с ним карибскими фантазиями.

– Послушай, милая, – говорит Люк и садится, – лет через пять мы подумаем об этом серьезно. Если все пойдет по плану, к тому времени у нас будет уйма возможностей. А пока придется жить в центре Лондона.

– Тогда что же нам делать? – Я раздраженно пробегаю взглядом страницу с барбадосской недвижимостью. – Ведь на лондонском рынке ни единого стоящего предложения. А скоро Рождество, нас выставят на улицу, и будем мы скитаться – бесприютные, с младенцем, давиться бесплатным супом...

– Бекки, – вскинув руку, перебивает меня Люк, – супа не будет!

Он открывает свою почту, находит приложение к письму и жмет кнопку печати. Секунда – и пробуждается принтер.

– Что там? – любопытствую я. – Что ты делаешь?

– Сейчас. – Люк собирает распечатки и протягивает мне. – Джайлс поэтому и звонил. На случай, если мы «еще не передумали насчет Лондона», как он выразился. Предложение только что поступило, дом совсем рядом, за углом. На Дела-мейн-роуд. Но решать надо быстро.

Я просматриваю первую страницу:

«Элегантный семейный дом... идеален для приема гостей... просторный холл... великолепная, роскошная кухня...»

Ого. Поневоле заинтересуешься.

«Сад с игровой зоной, обустроенной по проекту ландшафтного дизайнера... шесть спален... гардеробная со стенным шкафом для обуви...»

У меня захватывает дух. Стенной шкаф для обуви! Это же просто другое название для...

– Даже «обувная гардеробная» есть. – Люк смотрит на меня с усмешкой. – Джайлс этому особенно рад. Может, сходим и посмотрим?

Я в восторге от этого дома! И не только из-за обувной гардеробной. Перечитываю описание – и прямо вижу, как мы с Люком живем в новом прекрасном доме. Принимаем душ в бескаркасной кабинке «Рейнджет», облицованной известняком... варим кофе в кухне «Балтхауп», оборудованной по последнему слову техники... а потом, может быть, гуляем по уединенному, обращенному на запад саду среди великолепных взрослых экземпляров разнообразных кустарниковых растений. Не знаю, что это такое, но как звучит!

В тот же день мы пешком идем по зеленой Мейда-Вейл осматривать наш будущий дом. В руке я судорожно сжимаю листок с описанием, но мне он без надобности: я заучила его наизусть.

– Двадцать четвертый... Двадцать шестой... – Люк шурится, вглядываясь в номера домов, мимо которых мы проходим. – Наверное, он на другой стороне.

– Вот он! – Я застываю как вкопанная и смотрю на противоположную сторону улицы. – «Впечатляющий портик с колоннами, двустворчатые дверями и стильным веерообразным окном над ними!» Какая красота! Идем скорее!

Я уже готова бежать через улицу, но Люк удерживает меня за руку:

– Бекки, сначала выслушай меня.

– Ну что еще? – Я пытаюсь высвободить руку, рвусь, как пес с поводка. – Что такое?

– Давай вести себя сдержанно, ладно? Просто попридержим восторг, и все. Первое правило любой сделки гласит: выглядеть надо так, будто ты в любой момент можешь уйти не оглядываясь.

– А-а... – Я перестаю вырываться. – Хорошо.

Сдержанность. Это по мне, это я умею.

Но когда мы приближаемся к парадной двери, мое сердце дико колотится. Это наш дом, я сразу его узнала!

– Суперская дверь! – восклицаю я, нажимая на кнопку звонка. – Такая лакированная!

– Бекки... не забывай: никаких эмоций, – предостерегает Люк. – Делай вид, будто ты и не такое видала.

– Ах да, точно.

Едва я успеваю напустить на себя бесстрастный вид, как дверь открывается.

За дверью, на полу, выложенном черно-белой мраморной плиткой, стоит тоненькая женщина лет сорока. На ней белые

джинсы «Дольче и Габбана» и топик в повседневном стиле, который – я-то знаю! – обошелся ей не меньше чем в пятьсот фунтов. И кольцо с большим бриллиантом – непонятно, как она вообще поднимает руку с такой тяжестью.

– Привет, – произносит она томно, но с акцентом под простецкий. – Вы по поводу дома?

– Да! – Эх, слишком поторопилась с ответом. – То есть... вообще-то да. – Я старательно подражаю невозмутимой незнакомке. – Пожалуй, мы не прочь его осмотреть.

– Я Фабиа Паскали.

Рукопожатие у хозяйки влажное и какое-то ватное.

– Бекки Брэндон. А это мой муж Люк.

– Прошу, проходите.

Мы следуем за ней, нас провожает гулкое эхо шагов, а я оглядываюсь по сторонам и с трудом сдерживаюсь, чтобы не ахнуть. Холл необозримый. Изогнутая лестница похожа на голливудскую декорацию. Живо представляю, как медленно шествую по ней в потрясающем вечернем туалете, а восхищенный Люк ждет меня у подножия.

– Здесь проводили фотосессии, – говорит Фабиа, указывая на лестницу. – Мрамор привезен из Италии, люстра – антикварное муранское стекло. Входит в стоимость дома.

Вижу, Фабиа ждет моей реакции.

– Недурно, – замечает Люк. – А как тебе, Бекки?

Поменьше эмоций. Надо вести себя сдержанно.

– Да, ничего, – соглашаюсь я, зевая. – Можно посмотреть

кухню?

Кухня изумительна, как и все остальное. Широченная барная стойка, стеклянная крыша, вся-вся техника, известная человечеству. Из последних сил стараюсь удержать отвисающую челюсть, а Фабиа перечисляет экспонаты:

– Печь индукционная с духовкой... встроенная варочная панель... вращающиеся многоярусные разделочные поверхности...

– Неплохо. – Небрежно, со скучающим видом я провожу ладонью по гранитной столешнице. – А встроенной электроформовки для суши нет?

– Есть, конечно, – отвечает Фабиа таким тоном, будто без этой штуковины и жить нельзя.

Даже электроформовка для суши у них есть!

Господи, это не кухня, а выставочный образец. И терраса, летняя кухня в пристройке и помещение для барбекю тоже. И гостиная со стеллажами от Дэвида Линли. Мы поднимаемся вслед за Фабией на второй этаж, а мне уже почти невозможно держать в себе восторги.

– Вот гардеробная... – Фабиа приглашает нас в небольшую комнату, вдоль стен которой выстроились ореховые шкафы. – А этот стенной шкаф для обуви мне делали на заказ... – Она распахивает дверь, и мы входим в него. Ой, не могу больше. Куда ни глянь, всюду бесконечные ряды туфель, расставленных на чистеньких, обтянутых замшей полочках. «Лубутены»... «бланики»...

– Фантастика! – выпаливаю я. – И размер у меня такой же, и вообще! Значит, здесь и... (Люк осаживает меня предостерегающим взглядом.) То есть я хотела сказать... да, – я равнодушно пожимаю плечами. – Смотрится неплохо, пожалуй.

– У вас есть дети? – Мы выходим из гардеробной, Фабиа смотрит на мой живот.

– В декабре ждем первенца.

– А мои учатся в пансионе. – Фабиа срывает с руки пластырь «Никоретте», хмурится и бросает его в мусорное ведро. Затем достает из кармана джинсов пачку легких «Мальборо». – Теперь у них другие комнаты, но детские в прежнем виде. Можете осмотреть их, если хотите, – она щелкает зажигалкой и выпускает облачко дыма.

– Детские? – переспрашивает Люк и смотрит на меня. – Их несколько?

– Да, у каждого своя. У нас мальчик и девочка. Так и не собрались сделать ремонт. Вот это комната моего сына. – И она распахивает белую дверь.

Я застываю с разинутым ртом. Как будто в сказку попала. Стены сплошь покрыты росписью: зеленые холмы, голубое небо, лес и плюшевые мишки, устроившие пикник на опушке. В глубине комнаты – кровать в форме крепости, рядом – красный деревянный поезд на рельсах. В вагоны можно забраться, на скамейках в них рассажены игрушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.